

*Посвящается Эве.
Я тебя люблю.*

ГЛАВА 1

Престижная улица все еще хранила следы ужаса. На канарских пальмах были развешаны листовки с информацией о пропаже человека: выцветшие из-за погоды, со свернутыми от ветра и дождя уголками. На круговой подъездной дорожке перед поместьем из белого камня уже не было полицейских машин. Фургоны прессы и камеры уехали к другим историям. Железные ворота, которые не пускали внутрь желающих посочувствовать посторонних, были закрыты. Тяжесть тишины висела в солнечном воздухе Лос-Анджелеса.

Скотт Харден проковылял по обрамленному пальмами тротуару к воротам. С каждым шагом дом качался перед ним, а вид расплывался из-за пота, жгущего уголки глаз. Его поло с монограммой, запятанное за недели носки, прилипало к спине, а запястья обвивали синяки и ссадины, оставшиеся от жесткой веревки. Он ускорился, по мере приближения к дому переходя на бег и остановился у панели безопасности на воротах. Из пореза на груди сочилась кровь.

Он вбил код на клавиатуре, оставляя кровавые отпечатки. Ворота звякнули и с жужжанием открылись.

Нита Харден стояла перед зеркалом в ванной, пытаясь найти мотивацию, чтобы взять зубную щетку. Полочка, когда-то заставленная духами и дорогой косметикой, пустовала. У светлых локонов, всегда безупречных благодаря еженедельным визитам в салон, теперь на полдюйма отросли темно-серые корни. В черном костюме для йоги, висевшем на ней, она ничем не напоминала собранную светскую даму, вырвавшую себе место в верхнем эшелоне общества Беверли-Хиллз. Разве плохой запах изо рта имел значение, когда твой сын пропал без вести? Имело ли значение хоть что-нибудь, когда каждый день казался просто ужасающей игрой в ожидание, пока кто-нибудь обнаружит его тело?

Убийца, прозванный Кровавым Сердцем, действовал безотказно. Он похищал красивых, популярных мальчиков-подростков, таких, как ее Скотт.

Он держал каждого мальчика в плену месяц или два, душил, уродовал тела, а потом выбрасывал трупы как мешки с мусором. До Скотта он похитил шестерых: было найдено шесть обнаженных тел с сердцем, вырезанным на груди. Прошло почти семь недель с тех пор, как Скотт пропал. Его тело могли обнаружить в любой момент, и тогда ее позовут в морг на опознание сына.

Прозвучал сигнал системы безопасности, и она оторвала взгляд от зубной щетки, прислушиваясь к мелодии, установленной на воротах. Когда они строили дом, каждый выбрал для себя уникальный код и сигнал к воротам. Когда она подъезжала к воротам на своем «Ягуаре» и нажимала на кнопку пульта или вбивала личный код, звучал мягкий перезвон колокольчиков. Сигналом ее мужа был гимн УКЛА. А Скотт выбрал

простую трель... Ее зубная щетка со стуком упала в раковину, когда в большой ванной послышалась мелодия Скотта.

Сердце пронзила резкая боль, и она издала болезненный вопль, услышав знакомый звонок, мгновенно напомнивший о широкой улыбке сына, которую она годами воспринимала как данность. Скотт всегда врывался с рюкзаком, закинутым на плечо, и направлялся напрямик к еде. Она подошла к большому окну в углу ванной и выглянула во двор, ожидая увидеть машину одного из его друзей или фургон их уборщиков или садовников, ведь Скотт мог сказать свой код любому из них. Сквозь заросли ей так и не удалось увидеть автомобиль, поэтому она прижала руку к стеклу, прикрывая глаза, и попыталась разглядеть ворота.

По дорожке, усыпанной раскрошенными ракушками, с трудом продвигался человек, который немного волочил за собой ногу, оставляющую длинный след позади. У нее болезненно перехватило дыхание при виде знакомого серого поло, идентичного дюжинам тех, что все еще висели в шкафу сына. Лица не было видно, потому что он смотрел вперед, но она мгновенно узнала фигуру. Резко обернувшись, она споткнулась о медную когтистую лапу ванной и упала на одно колено. Всклипнув от переполнявших ее эмоций и боли, она вскочила на ноги и бросилась в спальню через арочный проем. Несясь в холл, она столкнулась с горничной, когда поворачивала к лестнице, и ринулась вниз по ступенькам, крепко держась за перила, потому что ее глаза застилала слезы.

— Джордж! — закричала она, поворачивая голову к кабинету мужа, где он часто работал из дома. — Джордж! — не останавливаясь проверить, дома ли он

А.Р. Торре

и слышит ли ее, она дернула тяжелую бронзовую ручку входной двери и приоткрыла ее достаточно, чтобы протиснуться наружу.

Она разодрала босые ступни о раскрошенные ракушки, но не обращала внимания на боль, несясь по дорожке и выкрикивая имя сына.

Скотт поднял голову и дергано остановился, глядя изможденным, но его губы дрожа сложились в улыбку. Он медленно поднял руки, и она бросилась в них.

Невероятным образом ее сын вернулся домой.

ГЛАВА 2

Слушая голосовое сообщение от Джона Эбботта, я задумалась, убьет ли он в этот день свою жену.

— Доктор Мур, — неровно, взволнованно прохрипел он. — Перезвоните мне. Она уйдет от меня к нему. Я знаю. Это случится.

Джон — который всегда приходил за пять минут до начала наших консультаций в выглаженных вещах и безупречно опрятный, который выписывал мне чеки до боли аккуратными печатными буквами, — звучал так, будто разваливался на куски. Я дослушала сообщение до конца, а потом нажала на экран, включая его заново.

Вздохнув, я перезвонила ему. За год наших психиатрических консультаций я определила, что Джон страдает патологической ревностью. Первые два месяца мы фокусировались на его жене и ее предполагаемой увлеченности садовником. Джон противился поведенческой терапии и решительно отказывался принимать фенотеазины. После недель настоятельных призывов он прислушался к моему совету и уволил садовника, что разрешило ситуацию. Теперь он нашел новый источник беспокойства — их соседа. Его подозрения ка-

зались необоснованными, что нельзя было бы назвать поводом для беспокойства, если бы он, помимо этого, не испытывал нарастающего побуждения убить жену.

Ожидая ответа, я открыла холодильник и достала литр молока. Был ли Джон Эбботт на самом деле способен убить свою жену — спорный вопрос, но все же тот факт, что он почти год обдумывал это, был серьезным тому подтверждением.

Он не ответил, поэтому я сбросила звонок и положила телефон на столешницу. Я налила стакан молока, а затем отодвинула штору и выглянула в окно над раковиной. Сквозь мутноватое стекло я увидела, как моя кошка топчется по отполированному красному капоту кабриолета. Я попыталась привлечь ее внимание, постучав по стеклу.

— Эй!

Клементина меня проигнорировала. Я одним глотком допила молоко и сильнее постучала в окно. Никакой реакции.

Сполоснув стакан, я поставила его на верхнюю полку посудомойной машины и взглянула на телефон. Это был первый раз, когда Джон Эбботт позвонил мне на мобильный. В отличие от Рика Бикона, не способного даже договориться о встрече без моего одобрения, Джон был из тех клиентов, которые воспринимают просьбу о помощи как признак слабости и несостоятельности. Для него оставить голосовое сообщение во вторник утром было серьезным шагом. Может, он подловил Брук? Или же его паранойя и ревность достигли пика?

Она уйдет от меня к нему. Я знаю. Это случится.

Для мужчины вроде Джона утрата могла стать концепцией, способной сломать его мир, особенно когда он

был всецело сфокусирован на жене, которую воспринимал искаженно. Эта сфокусированность переросла в одержимость, пронизанную нитью жестокости, граничащей с маниакальностью.

Я снова позвонила ему, и моя обеспокоенность возростала с каждым безответным гудком. В голове возникли непрошенные предположения. Фармацевт с безупречным почерком и двумя пропущенными консультациями в этом месяце, стоящий с окровавленным ножом в руке над своей женой.

Нет, исправила я себя. Не ножом. Не с Брук. Это было бы что-то другое. Что-то менее очевидное. Яд. Это была его последняя фантазия.

Я взглянула на часы микроволновки. Он звонил мне больше двух часов назад. За два часа могло произойти все что угодно. Это моя расплата за позднее пробуждение. «Эмбиен», в три часа ночи показавшийся мне отличной идеей, стоил мне этого пропущенного звонка.

Еще один звонок, сказала я себе. Я собиралась немного подождать, а потом позвонить еще раз и заняться другими делами. Одержимость, как я часто напоминала своим клиентам, никогда не влияла на внешние ситуации. Она только усугубляла внутренние переживания, а с ними и все вытекающие действия и решения.

Я поджарила тост и съела его, медленно и сосредоточенно жуя, пока сидела в столовой и смотрела на телефоне серию «Сайнфелда». Протерев столешницу, вернув хлеб в пакет и помыв руки, я позвонила ему снова.

Он проигнорировал мой звонок, как и в первые два раза.

В девять сорок пять, когда я направилась в офис на первую консультацию, Джон Эбботт не появился на свою смену в аптеке «Брейерс».

Все мгновенно забеспокоились. Этот человек был тираном в отношении пунктуальности настолько, что двое младших фармацевтов уволились в слезах, подвергнувшись его длинным и почти жестоким выговорам об учете времени. Когда его опоздание затянулось до десяти тридцати, а потом одиннадцати, и звонки на мобильный остались без ответа, трое работников за медицинскими стойками посоветовались о дальнейшем плане действий. Очередь покупателей, тянувшаяся дальше секции со взрослыми подгузниками, теперь достигла отдела травяных лекарств. Стоявший спереди мужчина с кустистыми белыми усами и в ковбойской шляпе прочистил горло.

Было принято решение найти на Facebook его жену и отправить ей сообщение. После этого они подождали еще пятнадцать минут, а потом отправили самого младшего и незначительного работника к Джону домой.

Джоэлу Бленкеру был двадцать один год, он приехал из Литл-Рок в Арканзасе и работал стажером в аптеке. Ему нравились «Подземелья и драконы», латинские девушки и куриное филе в кляре с большим количеством кетчупа. Пока я слушала, как Фил Анкерли рассуждал о документальном фильме о Тедде Банди, Джоэл припарковался у дома Эбботтов и написал младшему фармацевту о том, что машина Джона была на месте, припаркованная на дорожке за белым седаном. У Джоэла были простые указания: позвонить в дверь, спросить у Джона, придет ли он на работу. Пригнуться и бежать в укрытие, если он начнет кричать.

Джоэл начал с входной двери белого одноэтажного дома, чувствуя, как вспотели подмышки от жары Лос-Анджелеса, пока прислушивался к эху звонка в доме. После второй попытки, не услышав никакого движения в доме, он обошел его сбоку. Легонько постучав в боковую дверь, он подождал, а потом приложил согнутые ладони к стеклу, заслоняя свет, и заглянул внутрь.

При виде крови и тела он отшатнулся, зацепившись туфлей за бордюр. Его телефон проскользил по земле и остановился у колонны. Он прополз по аккуратно подметенной поверхности и взял телефон. Игнорируя новую сетку трещин на дисплее, разблокировал его и ввел 9-1-1.

* * *

После второй консультации я заехала в тренажерный зал на Пятьдесят пятой Авеню. Мое беспокойство о голосовом сообщении Джона Эбботта развеялось, когда я переделалась в свою спортивную форму и забралась на беговую дорожку. Я увеличила скорость и оглядела ряд телевизоров, остановившись на том, что показывал лицо телеведущей и слова «**КРОВАВОЕ СЕРДЦЕ**» у нее под подбородком. Пустившись бежать умеренной трусцой, я не сводила глаз с экрана, пытаясь понять тему пресс-конференции. Камера переместилась на красивого подростка в застегнутой доверху рубашке и шортах хаки, который робко улыбался, пока мать обнимала его за талию.

«...благодарны, что он дома. Пожалуйста, дайте нам возможность побыть наедине с нашим сыном...»

Я ткнула кнопку «Стоп» на беговой дорожке и схватила телефон. Несмотря на остановку движения, мое сердцебиение ускорилося. Неужели последняя жертва

Кровавого Сердца сбежала? Последние три года я вместе с другими жителями города неотрывно следила за новостями о каждом трагическом деле от исчезновения до смерти. Казалось невозможным, что жертва сбежала, да еще здоровой. В это время обычно обнаруживали обнаженное тело с отрезанным пенисом, выброшенное небрежно, как окурок.

Убийца был уникальным, действовал точно и доказал свою искусность на предыдущих шести жертвах. Меня поразило, что он мог проявить небрежность, позволившую жертве улизнуть. Может, это дело рук подражателя? Обман? Или момент слабости в стратегии и исполнении? Я разблокировала телефон и искала последние новостные статьи, а потом снова взглянула на беззвучный телевизор.

«...сбежал от Кровавого Сердца и прошел несколько миль, отыскав дорогу домой...»

Вот оно. Подтверждение черным по белому. Как Скотту Хардену удалось сбежать? Я сошла с тренажера, поспешила через людную зону для кардио и выбравшись на лестницу, быстро спустилась на первый этаж по широким ступенькам. Когда я добралась до последней, дисплей моего телефона засветился и в наушниках раздался рингтон звонка. Звонили из офиса, поэтому я вставила второй наушник и ответила:

— Алло?

— Доктор Мур? — приглушенным голосом спросил Джейкоб. Я представила его за столом в приемной, со сползающими очками в проволочной оправе и капелькой пота, стекшей до середины лба, усыпанного шрамами от акне.

— Привет, Джейкоб, — я толкнула дверь женской раздевалки и взяла верхнее в стопке пушистое полотенце с монограммой.

— К вам пришел детектив. Тед Сакс. Он сказал, дело срочное.

Я протиснулась мимо кучки разодетых в неоновые цвета любительниц йоги и нашла свой шкафчик.

— Он сказал, в чем дело?

— Он мне не говорит и отказывается уходить.

Черт. Прошло почти шесть часов с момента, как Джон Эбботт оставил мне сообщение, и я так и не получила от него ответа. Случилось ли что-то? Или этот визит касается кого-то другого из моих клиентов?

— Я сейчас вернусь, — я прижала телефон плечом, стаскивая шорты для бега. — А, и Джейкоб?

— Да?

— Не пускай его в мой кабинет. И не говори ему ничего. Неважно, о чем он спросит.

Наш администратор, работавший на полставки, настраивавший пианино и обедавший железяными конфетами в форме акул, не колебался:

— Будет сделано.

— Спасибо, — я завершила звонок, стоя со спущенными до лодыжек красными хлопковыми стрингами у всех на виду. Пролистав до сообщения Джона, я быстро удалила запись, потом открыла папку с удаленными голосовыми и убрала его оттуда.

Это действие было инстинктивным. Мои знания психиатрии обвинили бы в этом мое детство, когда я заметала следы и прятала все, что подтолкнуло бы мать-алкоголичку к ярости. Но здесь ставки были выше — пощечина от агрессивной домохозяйки была бы меньшей из проблем. Последствия того, что Джон Эб-

ботт навредил своей жене — если дело было в этом, — были бы гораздо хуже. Потенциальное расследование моей практики. Проверка медицинским комитетом. Внимание прессы на мне и моих клиентах — клиентах, которые требовали полной конфиденциальности.

Все-таки я лечила не трудоголиков с низкой самооценкой. Я специализировалась на убийцах. Извращенных, нестабильных убийцах.

Положив телефон на скамью, я выбралась из шорт и покрутила замок, вводя комбинацию. Хотелось поскрее вернуться в офис и покончить с этим.

* * *

Детектив Тед Сакс оказался высоким мужчиной в дешевом сером костюме с бейджем, висящим на шее. Я отперла свой кабинет и жестом пригласила его к паре мягких зеленых стульев, обращенных к столу.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

То ли назло, то ли из упрямства он остался стоять. Я обошла стол и уронила сумку в боковой ящик, прежде чем погрузиться в кожаное кресло на колесиках.

— Чем я могу вам помочь?

Наклонившись вперед, он поставил пакет для улик на чистую деревянную поверхность. Я подняла прозрачный полиэтилен и оглядела предмет внутри.

Это была одна из моих визиток: в сдержанном стиле, с напечатанным именем, титулом доктора и номером телефона офиса. На обороте был от руки написан мой личный номер. Я снова взглянула на него.

— Где вы это нашли?

— В кошельке Джона Эбботта, — он снял очки-авиаторы с лысой головы и продел их через воротник рубашки. Этот парень был совершенно обычным. Худой